

шого кораблекрушенія и едва узнаваемыхъ подѣ постороннимъ наростомъ, который образовался на нихъ отъ времени“. Мы привели эти слова для характеристики литературной манеры Кудрявцева, ищущей образовъ и иногда нѣсколько вычурной, но всегда задумчивой; приведемъ и тѣ замѣчанія, которыя были внушены ему опасеніемъ, что крайне спеціальныи и утомительный характеръ изслѣдованія о древнемъ Римѣ оттолкнетъ читателей. „Нерѣдко, — говоритъ онъ, — можно слышать требованіе: давайте намъ полную и вѣрную исторію народа! Давайте намъ ее безъ утайки и нисколько не подкрашенную!.. и рядомъ съ этимъ требованіемъ также часто можно слышать выраженіе скуки, неудовольствіе, какъ скоро нужно бываетъ войти въ самыя подробности дѣла. Потребность историческаго изученія въ наше время есть во всѣхъ; но въ то же время существуютъ странныя понятія о средствахъ удовлетворенія ей. Требуютъ науки и въ то же время дѣлаютъ съ нами договоръ, чтобы она была легка, чтобы изученіе ея не стоило труда, ни даже большаго вниманія. Пусть исторія отъ первой страницы своей до послѣдней будетъ проста и ясна какъ сказка — тогда охотно прочтутъ ее и будутъ довольны ею вполне. Словомъ, для удовольствія нѣкоторыхъ, любящихъ собирать плоды безъ труда, исторія навсегда должна бы остаться въ состояніи дѣтства!“

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, противъ кого направленъ этотъ намекъ; можетъ быть, противъ нѣкоторыхъ критиковъ первыхъ томовъ „Исторіи Россіи“ Соловьева. Исторія всегда, конечно, будетъ нуждаться въ защитѣ отъ требованія, чтобы она свои спеціальныя интересы приносила въ жертву популярности; но еще существеннѣе отстаивать ея свободу отъ противоположнаго направленія, навязывающаго ей мнимую научность. Обращаясь противъ такихъ критиковъ, Кудрявцевъ замѣчаетъ: „Другіе, напротивъ того, требуютъ, чтобы исторія была подчинена математикѣ. Считайте, мѣряйте и вѣшайте, говорятъ они, тогда только вы получите вѣрную исторію. Но какою мѣрою прикажете мѣрить или какими цифрами исчислять душевныя движенія, вообще нравственныя явленія, которыя составляютъ самую душу исторіи и служатъ главными пружинами всего послѣдовательнаго ея развитія?“ Указавъ на различныя затрудненія, причиняемыя приложеніемъ такого метода къ исторіи, Кудрявцевъ заявляетъ: „въ самомъ дѣлѣ, надобно слишкомъ матеріально понимать исторію, т.-е. не понимать ее вовсе, чтобы искать спасенія для нея въ однѣхъ цифрахъ. Истинно историческое движеніе не покоряется никакому исчисленію, потому что оно всегда бываетъ духовное. Есть, конечно,